

Екатерина Свет
Таня Белкова

МОЙ
НЕЙРОХИРУРГ
Микромир

Таня Белкова

Мой нейрохирург. Микромир

«Автор»

«Автор»

2026

Белкова Т.

Мой нейрохирург. Микромир / Т. Белкова — «Автор», «Автор»,
2026

— В операционной командую я.— Либо вы слышите меня, либо завтра оба пишем объяснительные. Я, нейрофизиолог Мирослава Воронова, привыкла спорить с хирургами. Но Артём Луговой — особый случай: стальные нервы, упрямый характер и руки, которым хочется доверить не только работу. Нам предстоит дать шанс молодой скрипачке, которой опухоль грозит отнять речь и музыку. Академик Черкасов запрещает операцию, а Артём ставит на кон собственную должность. Теперь мы работаем в паре — и каждое его прикосновение становится опаснее наших споров. Пока между нами рождается любовь, влиятельный враг готовит доносы и требует закрыть лабораторию. Он хочет лишить нас будущего. Но как отступить, если друг без друга мы уже не можем?

© Белкова Т., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Екатерина Свет

Мой нейрохирург. Микромир

Мой нейрохирург. Микромир
Екатерина Свет и Тая Белкова

Глава 1

Стекло негатоскопа в конференц-зале гудело низкой, назойливой нотой — трансформатор подсветки умирал уже третий месяц. За столом из мореного дуба пахло остывшим кофе, табаком академика Черкасова и тем номенклатурным превосходством, от которого у меня сводило челюсти.

— Два года, Всеволод Борисович? — я шагнула к световой панели. Мои пальцы легли на холодную пленку трактографии. — Вы предлагаете двадцать четыре месяца лучевого некроза и распада личности ради закрытия плана по коммерческому гамма-ножу?

Черкасов медленно крутил в холеных пальцах золотой «Паркер», выстукивая ритм по хрустальному графину.

— Доцент Воронова, умерьте патетику. Перед нами диффузная астроцитома левого островка Рейля. Медиальная граница уходит в ножку внутренней капсулы, латеральная впаяна в оперкулярную кору. Любая открытая резекция здесь — гемиплегия и моторная афазия на столе. Девочка больше не свяжет двух слов. Радиохирургия даст стабилизацию. Без труп в операционной.

— Стабилизацию немоты, — я вывела на проектор трехмерную ДТИ-реконструкцию, законченную в пять утра. Радужные дуги путей вспыхнули в полумраке зала, словно струны светящейся арфы. — Посмотрите на дугообразный пучок. Опухоль не прорастает аксоны, она раздвигает их отеком. Зазор между глиомой и зоной Брока — четыре миллиметра. Если оперировать вслепую — вы срежете этот пучок. Но если мы пойдем на бодрствующую краниотомию и картируем речевые зоны Ојетапп-стимулятором во время игры на инструменте...

— Скрипка в стерильном боксе? — Черкасов скривился. — Институт Бурденко свернул эти эксперименты пять лет назад. Я не позволю устраивать шапито на шестом этаже. Завтра пациентка переводится в радиологию. Вопрос решен.

Члены совета опустили глаза. Ни один профессор не шелохнулся. Я стояла одна против двенадцати человек, чувствуя, как кровь стучит в висках.

И тут скрипнула дверь в конце амфитеатра.

— Вопрос не решен, Всеволод Борисович.

Артём Луговой вошел неслышно, в темно-синем хирургическом костюме со следами стерилиума на предплечьях. Он бросил на стол Черкасова картонную папку.

— Это выписка Полины Вересовой. И мое личное заявление об уходе с должности заведующего отделением с завтрашнего числа.

Черкасов замер:

— Артём Николаевич, вы забываетесь.

— Нисколько. Если совет отказывает пациентке в радикальном шансе, я забираю ее на личную ответственность. Операционная номер один. Завтра, в восемь утра. Транс-ильвиев коридор на передний островок. Мирослава Александровна ведет интраоперационное картирование. Если мы не удержим речь и моторику — оба заявления лягут на стол министра.

В зале стало слышно, как за рамами шуршит мокрый октябрьский снег. Я взглянула на Артёма. Профиль высечен из гранита, глубокая складка меж прямых бровей и серые глаза — холодные, как зеркало микроскопа. В них была абсолютная, расчетливая ярость хирурга.

Черкасов положил ручку:

— Вы сами подписали себе приговор, Луговой. Если девочка потеряет хоть одну ноту, я лично передам материалы в прокуратуру.

— Приготовьте второй бланк, академик, — тихо бросила я. — Для вашего собственного ухода.

Когда двери захлопнулись, Луговой быстро зашагал по остекленной галерее.

— Не воображайте, Воронова, что я полез в петлю ради вашей диссертации, — бросил он.

— Я не страдаю манией величия, Луговой. Вы сделали это, потому что сами видели трактографию.

Он затормозил у панорамного окна. Пальцы сжали поручень:

— У нее абсолютный слух. Если я зайду в островок на миллиметр глубже и коагулирую лентикюлостриарную ветвь — она не сможет завязать шнурки. В операционной команду я. Вы даете порог в три миллиампера. Никаких задержек.

— Если вы пойдете по визуальной границе, вы оставите треть глиомы в хвостатом ядре, — отрезала я. — Мы работаем в паре, Артём. Как два полушария. Либо вы слышите мой прибор, либо завтра пишем объяснительные следователю.

Он долго смотрел мне в глаза, затем коротко кивнул:

— В шесть утра в ЦСО. Потом — в малую препараторскую флигеля.

* * *

Кирпичный флигель 1912 года прятался за вековыми липами в глубине больничного парка. Когда-то здесь была лаборатория профессора Мартынова — основателя школы микро-нейрохирургии. В высоких комнатах пахло сухими травами, книжной пылью и горячим трансформаторным железом.

Было почти одиннадцать вечера. Холодный ливень лупил в стрельчатые окна. Мониторы рабочей станции заливали стол синим сиянием.

Я склонилась над клавиатурой, пересчитывая матрицу диффузионного тензора.

— Алгоритм сбоит на перифокальной зоне, — сказала я. По скрипу половиц я знала, что Артём стоит сзади. Он сменил костюм на темно-серый свитер и держал две глиняные кружки. — Отек вокруг опухоли сдавливает миелин. Программа принимает аксоны за строму и красит речевой тракт серым.

Артём поставил кружку передо мной. Пахло крепким чаем и диким чабрецом — щемяще-домашний запах посреди больничного бетона.

— Дай я, — он оперся рукой о спинку моего кресла, а правую положил на манипулятор мыши.

Его плечо прижалось к моему. Через шерсть передавалось сухое, ровное тепло. Мои пальцы лежали на корпусе трекбола — и его ладонь накрыла мою руку. Сухая кожа, мозоль на указательном пальце от упора пинцета. По руке прокатилась мгновенная волна мурашек, перехватив дыхание. Я не отстранилась, лишь чуть сместила пальцы, открывая доступ к клавишам.

— Смотри, — его голос прозвучал над самым моим ухом, непривычно мягкий. — Поставь порог анизотропии ноль целых двадцать три сотых. Кортикоспинальный тракт отклоняется кзади. Мартынов учил: ткань под давлением уступает дорогу. Мы пройдем по борозде.

Я повернула голову. Его лицо было совсем близко, черты в синем свете казались резче.

— Ты часто вспоминаешь Мартынова. Черкасов на совете упомянул закрытие темы. Это ведь его рук дело?

Артём замер. Рука на мыши напряглась. Он выпрямился и отошел к эркеру, глядя в темноту за стеклом.

— Учитель не умер своей смертью, Мира. Семь лет назад он четырнадцать часов удалял глиому ствола у мальчика. Сохранил проводящие пути. А через два дня Черкасов собрал комиссию. Обвинил в шарлатанстве. Через неделю устроил судилище на ученом совете. Мартынов поднялся ответить и рухнул перед президиумом. Я держал его, пока ждал реаниматологов. Учителю было пятьдесят шесть. Потом Черкасов опечатал флигель. Ключи от флигеля мне удалось вернуть только недавно, через Свиридова. Черкасов уничтожает все, что не может подчинить. Если завтра мы ошибемся — он растопчет нас точно так же.

Я подошла к нему и положила ладонь ему на грудь, поверх плотной вязки свитера. Под пальцами мерно билось упрямое сердце.

— Мы не ошибемся, Артём. Твой учитель открыл этот путь, а мы доведем его до конца. Мой прибор не сбоит. Слышишь?

Он взглянул на мою ладонь, потом медленно накрыл мои пальцы своей теплой рукой, сжав их крепко и благодарно:

— Иди спать, Мира. В шесть утра в ЦСО. Надо забрать ее скрипку.

* * *

Служебный тамбур центрального стерилизационного отделения встретил нас запахом хлорамина, автоклавного пара и руганью.

— Не положено! — завхоз Потапов стоял в дверях чистой зоны, растопырив руки. — Дерево, лак, конский волос! В СанПиНе ясно сказано: предметы из органики в оперблок первой категории запрещены!

На скамейке у стены сидела мать Полины, Елена Михайловна, судорожно прижимая к груди старый потертый футляр. Женщину колотила дрожь.

— Отодвиньтесь от шлюза, Потапов, — я шагнула вперед, разворачивая ламинированный приказ. — Скрипка — компонент интраоперационного диагностического комплекса по решению биоэтического комитета. Срыв операции влечет уголовную ответственность.

Завхоз набычился, но отступил.

Мы завели мать в препараторскую. На алом бархате открытого футляра блеснул лак старой немецкой скрипки. Певучий инструмент с тонкими эфами. Но дерево несло в себе микрофлору, которую нейрохирургия не прощает.

— Настоящую скрипку к ране подносить нельзя, — я открыла кофр. — Старшая сестра снимет нас с операции при первом взмахе.

Артём склонился над столом:

— Это что?

— Силиконовый макет грифа. Отлит из медицинского полидиметилсилоксана. Вес, мензура и баланс в точности повторяют ее инструмент. Но главное — внутри.

Я перевернула матово-белый брусок. В продольные канавки были впаяны микроскопические серебряные нити пьезоэлектрических датчиков.

— Четыре сенсора давления. Каждый прижим пальца левой руки фиксирует усилие с точностью до десятой доли грамма и передает сигнал по экранированному микрокабелю прямо в энцефалограф. Полина надевает стерильные наушники. Синтезатор выдает чистый тон только тогда, когда палец дает физиологическое усилие в сто пятьдесят граммов. Если моторная кора дрогнет под микроножом — кривая на мониторе рухнет раньше, чем глаз хирурга заметит микроспазм.

Артём взял силиконовый гриф. Пальцы пробежали по бороздкам. На его лице проступило редкое мальчишеское восхищение:

— Это безупречно, Мира. Смычок?

— Карбоновый, — ответил он сам себе. — Синтетическое моноволокно, трость в рукаве плазменной стерилизации. Пошли в палату.

В полутемной палате Полина сидела на койке в хлопковой рубаше. Ее темные глаза казались огромными.

— Полина, — я опустила перед ней на колени. — Ты сама сыграешь нам сегодня в операционной. Вот твой рабочий гриф. Попробуй.

Она робко взяла эластичный брусок. Я надела на нее наушники, подключила портативный калибратор:

— Закрой глаза и возьми ноту ре.

Девушка прикрыла веки. Пальцы левой руки привычным движением легли на упругий полимер. И через динамик чисто, звонко запела первая скрипичная нота.

Полина распахнула мокрые от слез глаза, на бледных губах мелькнула робкая улыбка:

— Он звучит... Боже мой, он отвечает!

Артём стоял за моей спиной у двери. Он посмотрел на Полину, затем перевел взгляд на меня — и в его глазах светилось тихое, надежное тепло.

Глава 2

В семь сорок пять утра операционная номер один гудела басом ламинарного потока. Воздух был ледяным, пахнущим спиртом и озоном.

У наркозного аппарата Maquet Flow-i стоял Денис Краснов — коренастый седеющий циник, лучший нейроанестезиолог центра.

— Пропофол отставить, — бросил он, не оборачиваясь. — На пропофоле получим рикошетную кому на выходе. Проснется в бреде, зажмет челюсти и выдавит мозг в трепанационное окно.

— Дексмететомидин? — я подключила заземление к шине стола.

— Только он. Сон, неотличимый от физиологического. Никакого угнетения дыхания. Но стандартный болюс не дам — уроним давление до семидесяти и поймем сорок ударов брадикардии. Пойдем титрованием: ноль четыре микрограмма на килограмм в час.

— А воздуховод? — спросила я. — Эндотрахеальная трубка спровоцирует кашель при экстубации.

Краснов достал ларингеальную маску I-Gel с прозрачным гелевым obturatorом:

— Никакой интубации трахеи. Ставим I-Gel тройку. Мягкая посадка над гортанью, головные связки свободны. На выходе сниму одним движением без кашля.

— Если судороги? — подошел Артём в стерильном халате. — Мы полезем стимулятором в субкортикальные зоны.

Краснов указал на пакеты раствора Рингера, обложенные колотым льдом:

— Плюс четыре градуса. Твоя задача, Луговой, не зевать. Мира кричит «эпи-активность» — ты заливаешь кору ледяным раствором из шприца Жане. Холод гасит синапсы за четыре секунды. Введу противосудорожные системно — усыплю девочку на четыре часа, и картированию конец.

Артём кивнул:

— Понял. Начинай вводный.

Полину закатили в бокс. Краснов открыл кран инфузомата:

— Закрывай глаза, маэстро.

Девушка глубоко вздохнула. Монитор зафиксировал плавное замедление пульса: восемьдесят пять... семьдесят... шестьдесят пять. Веки расслабились. Краснов ловко завел маску I-Gel, дыхательный аппарат мерно задышал вместе с ней.

— Фиксируем голову, — скомандовал Артём.

Титановый фиксатор Мейфилда защелкнулся на костях черепа. Динамометрический винт показал тридцать фунтов на квадратный дюйм. Голова повернута вправо на сорок градусов.

Я натянула перчатки, пододвинула столик со стимулятором и глубоко перевела дух.

* * *

Краниотомия заняла у Лугового ровно двадцать одну минуту. Костный лоскут лег в лоток. Твердая мозговая оболочка, напряженная и белесая, пульсировала в ране.

Артём вскрыл ее крестообразным разрезом, подшив лепестки к надкостнице. В свете микроскопа Kinevo 900 обнажилась кора. Нежно-розовые извилины с паутиной пиальных сосудов медленно вздымались в такт дыханию.

— Краснов, выход, — произнес Артём.

— Снижаю дексмететомидин до ноль одной, — отозвался Денис. — Маску убираю... сейчас.

Краснов извлек I-Gel. Полина сделала первый самостоятельный вдох — глубокий, ровный. Сатурация замерла на девяноста девяти.

Я шагнула вперед, просунув руки под стерильную простыню к лицу пациентки. Ее ресницы дрогнули, веки приоткрылись. На секунду в темных зрачках плеснул животный ужас: титановые шипы сжимали череп, вокруг гудели приборы, двигаться было нельзя. Пульс подскочил до ста десяти.

— Тихо, хорошая моя, — я мягко сжала ее холодные пальцы. — Все идет по плану. Голова зафиксирована, боли нет. Мы в операционной. Твой мозг в безопасности. Ты готова?

Она судорожно сглотнула:

— Готова, доктор Мира.

— Вера Васильевна, гриф!

Сестра подала силиконовый макет на карбоновом шарнире. Артём защелкнул замок у левой кисти Полины. Я надела на нее наушники.

— Начинаем картирование, — сказала я в интерком. — Ток полтора миллиампера. Полина, считай вслух от одного до двадцати.

— Один... два... три... — ее голос звучал чисто и звонко, разносясь по оперблоку.

Я взяла биполярный зонд Ojemann.

— Четыре... пять... шес... — на слове «шесть» я коснулась зондом нижней трети прецентральной извилины.

Первый и второй пальцы левой руки Полины мгновенно разогнулись и застыли. Кривая давления на моем экране взлетела к пику.

— Стоп стимуляция! Метка номер один. Корковое представительство пальцев кисти.

Артём уложил на влажную кору резиновый кружок с цифрой «1»:

— Принято. Сюда не идем. Сместись на четыре миллиметра кпереди.

— Полина, продолжай счет.

— Семь... восемь... девять... де... — кончик зонда коснулся заднего отдела нижней лобной извилины.

Девушка замолчала. Рот был открыт, но из горла вырывался лишь беззвучный воздух. При этом пальцы левой руки свободно продолжали перебирать полимерные струны.

— Метка два. Речевой арест, зона Брока, — зафиксировала я, убирая электрод.

— ...сять! Одиннадцать! — выдохнула Полина, жадно глотая воздух. — Доктор Мира, слово застряло!

— Все правильно, умница. Играй гамму. Медленно.

В контрольном динамике зазвучала чистая гамма ре-мажор. Пальцы скрипачки порхали по силикону с идеальной точностью.

Артём взглянул в окуляры, взял ультразвуковой аспиратор CUSA:

— Коридор ясен. Входим в силивиеву щель. Идем в передний островок. Мирослава, контроль путей каждые сорок секунд.

Я бросила взгляд на смотровое окно. За стеклом в полумраке коридора стоял академик Черкасов, скрестив руки на груди и сверля взглядом открытую рану.

Не отводя стерильного золотого электрода от коры, я негромко скомандовала:

— Вера Васильевна, закройте жалюзи.

Вера Васильевна Громова передала команду сотруднице у входного шлюза. Та шагнула к стене и одним резким движением дернула цепочку привода. Белые металлические ламели с глухим шелестом сомкнулись, наглухо отсекая побелевшее лицо Черкасова от чистого пространства нашей операции.

* * *

Глубина раны достигла тридцати пяти миллиметров. Аспиратор с тихим шипением эмульгировал серую ткань глиомы. Артём работал в узком коридоре между ветвями средней мозговой артерии.

Полина не переставая играла этюды Крейцера. Музыка парадоксально сливалась с писком пульсоксиметра.

— Глубина тридцать восемь, — глухо сказал Артём. — Подходим к медиальной стенке. Навигатор дает еще шесть миллиметров до пучка.

Я взглянула на экран StealthStation:

— «Стелс» врет, Артём! Ткань сместилась на четыре миллиметра из-за утечки ликвора! Проверяем живым стимулятором на дне.

Удлиненный зонд опустился в полость резекции. Ток три миллиампера.

— Полина, переход на двадцать четвертый каприз Паганини.

Девушка взяла упругую тему вступления. И едва зонд коснулся белесоватого тяжа на дне, звук скрипки поплыл. Чистая нота сползла на четверть тона вниз, превратившись в фальшивый скрежет. Смычок зацепил соседнюю струну.

— Стоп! — крикнула я. — Это субкортикальный слой слухо-моторной петли! До тракта меньше миллиметра!

Артём мгновенно отвел наконечник. Звук скрипки тут же выровнялся, обретая кристальную чистоту.

— Вижу волокна, — выдохнул он. По его виску стекала капля пота. — Опухоль лежит прямо на миелине.

— И перфорант на одиннадцать часов, — добавила я, глядя в окуляры ассистента. — Лентикюлостриарная ветвь. Впаяна в капсулу. Коагулировать нельзя — получим инсульт капсулы.

— Канюлю тридцать G, — скомандовал Артём.

Вместо термического ожога он пустил тончайшую струю ледяного физраствора под давлением. Водяной микроклин ювелирно отслоил опухоль от пульсирующей стенки артерии. Сосуд остался цел.

И в этот миг на мониторе взвыла тревога.

Каналы пять и шесть вспыхнули алым. ЭЖОГ сломалась высокоамплитудными пиками в четыре герца.

— Эпи-активность! Судорожный шторм на моторной коре!

Тело Полины натянулось. Челюсти сжались со стуком, пальцы на грифе одеревенели, звук скрипки захлебнулся визгом.

— Краснов, релаксанты не трогать! — я выхватила шприц Жане с раствором Рингера плюс четыре градуса. — Артём, отсос!

Ледяной душ ударил по обнаженной коре.

Пять секунд... семь секунд...

Термический шок заблокировал синаптическую деполяризацию. Пики на мониторе растаяли, изолиния вернулась к ровному ритму.

Полина судорожно всхлипнула, пальцы на грифе раскрылись:

— Я... я здесь... Что это было?

— Все позади, Полина, — я говорила нежно и твердо. — Ты выдержала. Остался последний узел. Сыграй нам финал каприса. Сейчас!

Полина сжала зубы — и в оперблоке разразилась буря.

Она играла двадцать четвертый каприз Паганини так, как не играла ни на одном конкурсе. Бешеные пассажи, скачки через октавы, стаккато и пиццикато — силиконовый гриф послушно переводил каждый грамм силы в ликующий звук.

Под эту неистовую музыку Артём сделал последнее движение. Микроножницы Мартынова скользнули по глиозному валу, отсекая узел целиком.

— Узел удален, — хрипло произнес Артём, выпрямляясь. — Полость чистая. Гемостаз полный.

Музыка оборвалась на торжествующей верхней ноте.

Полина выронила смычок, закрыла лицо ладонью и разрыдалась — безудержно смывая слезами смертный ужас этих трех часов:

— Я играю... Пальцы помнят... Доктор Мира... Артём Николаевич... Я слышу все ноты!

Я опустила перед ней, обнимая сквозь простыню, целуя мокрый висок:

— Ты победила, Полина. Опухоли больше нет. Твоя музыка с тобой.

Краснов открыл кран седативного перфузора:

— Занавес, маэстро. Спи.

Девочка улыбнулась сквозь слезы и сладко уснула.

Ушивание раны шло в благоговейном молчании. Артём восстановил твердую оболочку герметичным швом, уложил костный лоскут, защелкнул титановые фиксаторы.

Когда Полину переложили на каталку реанимации, Артём стянул перчатки и сорвал маску. На щеках багровели полосы от резинок. Он подошел ко мне вплотную. В серых глазах стояло обнаженное восхищение:

— Семь лет, — тихо сказал он. — Без твоих ушей, Мира, я бы срезал этот тракт на третьей минуте.

Я коснулась пальцами его предплечья. Сердце колотилось в груди от пьянящего, чистого профессионального счастья.

— Мы сделали это вместе, Артём. Как два полушария.

Он накрыл мою ладонь своей горячей рукой, прижал ее к груди на короткое мгновение и улыбнулся:

— Пойдем, Воронова. Нам еще предстоит бой за шестой этаж. Но теперь у нас есть музыка. Против нее Черкасов бессилен.

Каталка плавно выкатилась в коридор реанимационного отделения. Первый бой был выигран. Впереди ждал день, полный борьбы за право жить и оперировать дальше.

Глава 3

Утреннее солнце пробивалось сквозь жалюзи блока нейрореанимации косыми золотистыми полосами, разрезая стерильный полумрак палаты номер три. На вымытом до скрипа линолеуме блестели отсветы хромированных стоек. Пахло озоном, спиртовым кожным антисептиком и тем особенным, сладковатым теплом оживающего после наркоза человеческого тела.

Возле койки, сжав сухими пальцами четки, застыла мать Полины. Рядом стоял ее отец — полномочный дипломат, чье обычно невозмутимое лицо за эту ночь осунулось и посерело.

Мы вошли с Артёмом неслышно, в чистых хлопковых халатах.

— Полина? — я подошла к изголовью, осторожно коснувшись тонкого девичьего запястья. Пульс был ровным, наполненным — семьдесят шесть ударов.

Ресницы девушки дрогнули. Веки медленно приподнялись. Ее темные глаза, еще затуманенные остатками дексмететомидина, сфокусировались на моем лице. Она слабо, но безошибочно сжала мои пальцы:

— Доктор Мирослава... Здравствуйте. Голова тяжелая, гудит... Но внутри... внутри не замолчало. Музыка звучит.

Мать на стуле судорожно всхлипнула, зажав рот ладонью.

— Проверим речь, Полиночка, — я ободряюще улыбнулась ей и достала диагностические карточки Бостонского теста. — Назовите предметы на рисунках и повторите за мной: «Клара у Карла украла кораллы».

— Ключ, компас, скрипичный ключ, ласточка... — Полина произносила слова плавно, с мягкой, певучей артикуляцией, без малейшей запинки или смазанности согласных. — Клара у Карла украла кораллы. Зона Брока на месте, доктор Мира. Я помню все слова.

— А теперь главное, — Артём шагнул вперед. В его руках был узкий футляр, обработанный ультрафиолетом. Он бережно извлек настоящий скрипичный смычок — упругую трость темного фернамбука с белоснежным конским волосом. — Возьмите инструмент, Полина.

Дежурная медсестра дернулась было напомнить про санитарный регламент, но наткнулась на ледяной взгляд Лугового и замерла у стойки мониторов.

Полина медленно подняла правую руку. Из-за легкого реактивного отека в четвертом пальце мелькнула секундная скованность. Артём мягко, кончиками пальцев провел по тылу ее предплечья, расслабляя сухожилие разгибателя:

— Не торопитесь. Это отек локтя опухоль, он уйдет к вечеру. Дышите глубже.

Девушка глубоко вздохнула. Ее пальцы легли на колодочку смычка. Мизинец округлился на грани трости, указательный мягко опустился на серебряную обмотку — хват был каноническим, безупречным до доли миллиметра. Мышечная память великого музыканта не потеряла ни единого микронного нейронного следа.

Полина сделала плавное, невесомое движение кистью в воздухе над одеялом, ведя воображаемое бесконечное легато.

— Я чувствую натяжение волоса... — прошептала она, и по ее щекам покатались крупные, светлые слезы. — Господи... Пальцы живые. Я смогу играть!

Пульс на мониторе подскочил до ста десяти, но я мягко накрыла ее ладонь:

— Тихо, моя девочка. Все позади. Теперь — спать и набираться сил.

Когда мы вышли в шлюз, отец Полины перехватил нас у стеклянных дверей. Этот суровый человек в строгом костюме молча протянул нам обе руки, и я почувствовала, как крупно дрожат его пальцы:

— В трех зарубежных клиниках мне сказали, что она выйдет из операционной растением. Вы вернули мне дочь. Наш дипломатический корпус и я лично — ваши должники навсегда.

Если академик Черкасов попытается мстить вашей группе — я сотру его в порошок на правительственном уровне.

— Мы спасали музыканта, а не дипломатические рычаги, — сухо, но с достоинством ответил Артём, пожимая его руку. — Но спасибо. Защита нам понадобится очень скоро.

Мы вышли на остекленный переход между корпусами. Солнце заливало галерею золотом. На середине моста Артём внезапно остановился. Он повернулся ко мне, и его серые глаза потеплели тем глубоким, чистым светом, которого я никогда не видела в нем прежде.

— Мы победили, Мира, — тихо сказал он. Его рука медленно поднялась, и кончики пальцев бережно, невесомо коснулись моего виска, убирая выбившуюся прядь волос. — Без твоих карт дугообразного пучка я бы оставил ее немой. Спасибо тебе.

От его пальцев по коже пробежала горячая, электрическая волна, отзывавшаяся сладким замиранием в груди. Я посмотрела в его глаза и поняла: ледяная стена между нами рухнула навсегда.

* * *

В приемной главного врача Центра стоял тяжелый дух корвалола и табака. За массивной дубовой дверью кабинета звенели разъяренные телефонные выкрики.

— Родион Сергеевич никого не принимает! — секретарь грудью заслонила проход. — Там министерство на проводе, комиссия Черкасова требует немедленного отстранения бригады!

— Мы не на допрос пришли, — я решительно отвела край кожаной папки на ее столе и нажала на латунную ручку. — Мы пришли оформить победу.

Артём распахнул дверь, пропуская меня вперед.

Главврач Родион Свиридов с багровым лицом сжимал телефонную трубку, вытирая лысину шелковым платком. Увидев нас, он с грохотом швырнул трубку на рычаг:

— Вы с ума сошли?! Черкасов накатал донос в Росздравнадзор и Генеральную прокуратуру! Незаконный эксперимент, нелегальные датчики на открытом мозге, прямая угроза жизни пациентки! От меня требуют отстранить Лугового от заведования и опечатать лабораторию до созыва дисциплинарной комиссии!

— Успокойтесь, Родион Сергеевич, — я подошла к столу и выложила перед ним три пластиковых файла. — Первый документ — Евразийский патент на изобретение способа интраоперационного картирования речи при бодрствующей краниотомии. Второй — заключение Комитета по биоэтике при Российской академии наук. Третий — выписка из реанимации и сегодняшняя видеозапись: скрипачка Вересова на следующее утро после резекции говорит без запинок и держит смычок. Пусть Черкасов покажет хоть одного пациента после своего гамма-ножа с сохраненным слухом и речью при таком объеме глиомы.

Свиридов растерянно моргнул, разглядывая гербовые печати.

В этот момент аппарат селекторной связи на стене затрещал, и в кабинете раздался скрипучий, самоуверенный голос Черкасова:

— Свиридов! Ты подписал приказ об отстранении авантюристов? Не вздумай юлить, иначе министерство перекроет Центру финансирование по высокотехнологичной помощи!

Артём подошел к селектору, нажал клавишу ответа и произнес убийственно ровным баритоном:

— Всеволод Борисович, девочка в полном сознании. Речь и движения сохранены. А копия вашего вчерашнего выступления на консилиуме передана ее отцу — чрезвычайному посланнику МИД. Хотите продолжить разговор в присутствии министра здравоохранения?

В динамике повисла звенящая, мертвая тишина. Через секунду раздалась частая гудка отбоя.

Свиридов тяжело осел в кресло:

— Но бумага... представление Черкасова зарегистрировано во входящих. По регламенту я обязан дать ход служебной проверке...

Я взяла со стола рабочую копию доноса Черкасова — зарегистрированный оригинал остался в папке Свиридова, — подошла к стоящему в углу кабинета промышленному шредеру и опустила лист в приемную щель.

Стальные ножи с глухим урчанием превратили чиновничью кляuzu в мелкую бумажную лапшу.

— Проверка получит наши документы, а не головы, Родион Сергеевич, — спокойно сказала я. — И будет отчетная статья в «Вопросах нейрохирургии». А Центр получит всероссийский статус флага инноваций.

Свиридов шумно выдохнул, плечи его расслабились.

— Что вам нужно? — спросил он уже совсем другим тоном.

Артём положил перед ним заранее отпечатанное распоряжение:

— Мое заявление об уходе отзываю. А шестой этаж клинического корпуса пустует после ремонта. Мы забираем его под Лабораторию функциональной нейрофизиологии и картирования мозга. Руководитель — доцент Воронова. Подписывай, Родион.

Свиридов не колеблясь придвинул чернильницу и размашисто поставил гербовую резолюцию.

Через десять минут мы поднялись на шестой этаж. Огромный зал с полукруглым панорамным эркером пах свежей краской и солнцем. Внизу серебрилась лента Москвы-реки, а над старыми деревьями сияли золотые маковки Новодевичьего монастыря.

— Здесь мы поставим вычислительный кластер трактографии, — сказала я, глядя в окно. Эхо разносило мой голос по пустому залу. — Протянем оптоволокно прямо из операционной номер один.

Артём встал рядом со мной. Его плечо касалось моего, теплое и надежное:

— Это твое царство, Мира. Ты отвоевала его у всей этой своры.

Глава 4

В среду в час дня малая аудитория кафедры была забита до отказа. В амфитеатре сидели ординаторы, аспиранты и двое доцентов, привыкших смотреть на любую молодежную инициативу сквозь призму сарказма. Во втором ряду у окна сидела Лариса Черкасова — дочь академика. Она не поднимала глаз от раскрытого ноутбука, отгородившись от мира глухой стеной отчуждения.

Едва я подошла к интерактивному экрану, в приоткрытую дверь робко постучали.

На пороге стоял мальчик лет двенадцати в школьном форменном пиджаке, с чехлом скрипки-половинки за спиной. В руках он бережно держал плетеную корзинку, источавшую умопомрачительный аромат печеных яблок, ванили и корицы.

— Простите, пожалуйста... — мальчик покраснел до корней волос. — Вы доктор Мирослава?

— Да, дружок, — я спустилась со ступеней кафедры. — Ты к кому?

— Я Миша, ученик Полины Андреевны Вересовой, — он протянул мне корзинку, накрытую вышитым полотенцем. — Нам в музыкальной школе сказали, что вы спасли ее руки. Мы с мамой испекли шарлотку для вас и доктора Лугового. Спасибо вам большое! Полина Андреевна обещала прийти на наш академический концерт!

В аудитории пронесся тихий, теплый вздох. Ординаторы заулыбались. Я поблагодарила смущенного Мишу, проводила его до выхода и торжественно водрузила еще горячую корзину на край лекторского стола:

— Вот ради этого мы сутками не выходим из операционных, коллеги. А теперь перейдем к электрофизиологии.

Я включила проектор, выводя на экран синхронизированные графики кортикальной стимуляции и спектрограммы вейвлет-анализа.

— Подумаешь, заминка в слове, — ядовито бросил с заднего ряда старший ординатор Костин, протеже Черкасова. — Пациентка три часа лежала с открытой головой. Обычная усталость, функциональный ступор. Вы выдаете банальную астению за картирование зоны Брока!

— Взгляните на четырнадцатый канал, доктор Костин, — холодно парировала я, увеличивая временную шкалу. — Ровно через двенадцать миллисекунд после подачи импульса силой два с половиной миллиампера мы видим фазовый срыв тета-ритма и падение когерентности на девяносто четыре процента в поле сорок четыре по Бродману. Никакая психогенная усталость не дает локального фазового блока в изолированном цитоархитектоническом поле. Это чистая электродинамика функционального выключения.

Костин поперхнулся и уткнулся в планшет. В зале поднялся лес рук.

И тут с места поднялась Лариса Черкасова. Ее бледное лицо было напряжено:

— В монографии моего отца доказано, что тензор диффузии принципиально не способен разделить перекрещивающиеся волокна в зоне перифокального отека! Ошибка интерполяции там составляет не менее четырех миллиметров. Ваш метод — рулетка!

В аудитории повисла напряженная тишина. Все ждали скандала.

Я не стала спорить. Я просто взяла маркер и протянула его девушке:

— Ваш отец пользовался классическим гауссовым тензором первого порядка, Лариса Всеволодовна. Вы математик по первому образованию. Выйдите к доске. Напишите уравнение сферической деконволюции высокой угловой разрешающей способности. Разве оно не снимает неопределенность пересечений?

Лариса замерла. Она медленно вышла к доске, взяла маркер и начала торопливо выводить ряды сферических гармоник. Но на третьей строчке ее рука дрогнула. Она остановилась перед интегралом, посмотрела на написанные строки и медленно обернулась ко мне. Я указала

маркером на пропущенную поправку Тихонова — ту самую, без которой модель ее отца объявляла картирование невозможным.

— Вы же видите это, Лариса, — тихо сказала я, подходя к ней вплотную. — Физику нельзя подделать под номенклатурную монографию.

В глазах Ларисы блеснули слезы потрясения. Она опустила маркер:

— Отец... он знал это. Но запрещал мне пересчитывать матрицы. Доктор Воронова... Я написала фильтр на прошлой неделе. Вот.

Она достала из кармана серебристую флешку и положила мне на ладонь:

— Здесь код очистки краевых шумов. Возьмите его для вашей лаборатории.

— Черкасова, ты с ума сошла?! — взвился с места Костин. — Отец вышвырнет тебя из аспирантуры!

— Замолчите, Костин, — отрезала я, повысив голос. — Доктор Черкасова только что продемонстрировала математический класс, до которого вам расти годами. С сегодняшнего дня Лариса приглашена в нашу группу на должность ведущего нейроматематика. А теперь — перерыв.

Я достала стерильный скальпель, нарезала пышную шарлотку на двадцать порций и разложила по салфеткам. Молодые хирурги с аппетитом разбирали яблочный пирог, обступив нас с Ларисой плотным кольцом. Стена вражды треснула навсегда.

* * *

Была полночь с четверга на пятницу. В пустой ординаторской горел лишь экран негатоскопа, на котором висели контрольные томограммы Полины Вересовой — чистая полость резекции, идеальный отек, никаких следов ишемии.

За окном хлестал холодный осенний ливень.

Я сидела над столом, пытаюсь дописать отчет, но внезапная острая боль в шее заставила меня замереть. Мышцы трапеции и основания черепа после пятичасового неподвижного бдения у стойки свело жестоким, каменным спазмом. От затылка к правому глазу пульсировала тупая, тошнотворная жилка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.